

ТРАДИЦИОННЫЙ БЫТ, ОБЫЧАИ, ОБРЯДЫ И НОРМЫ ПОВЕДЕНИЯ В ПЕСЕННОМ ФОЛЬКЛОРЕ ЛАКЦЕВ

Лакцы – одна из коренных народностей, занимающая центральную часть Нагорного Дагестана (Лакский, Кулинский районы). С 1944г. часть их была переселена на плоскость (Новолакский район); проживают лакцы и в городах республики. Общая численность – в пределах 120 тыс. человек, в т.ч. в самом Дагестане около 93 тыс. человек (Булатова А.Г. и др., 1994. С. 218). Говорят на лакском языке.

Фольклор народов Дагестана, выступая как специфическая подсистема в системе традиционной духовной культуры, всегда содержал в себе целый комплекс этнической информации. Не случайно гуманитарные науки уделяют самое пристальное внимание вопросам органической неразрывной связи этнографии и фольклористики (Чистов К.В., 1970; Чистов К.В., 1971; Чистов К.В., 1975; Чистов К.В., 1979), «... их способности расширять и сужать поле своей деятельности, замещать друг друга в выполнении очень сходных познавательных функций» (Чистов К.В., 1988. С.5). Не остались эти проблемы вне поля зрения и дагестанских ученых (Аджиев А.М., 1994. С. 11–16). Здесь никак не пройти мимо очевидного положения, что и этнография, и фольклористика свои истоки берут из одного и того же древнейшего этапа человеческой истории. Являясь носителем бытовой традиции, фольклор не может не составлять части целого, призванного рассматривать, изучать и анализировать традиционно-бытовую культуру народов – этносов. Культура эта, можно сказать, отражается в значительной степени именно в фольклоре, предоставляя этнографии судить (со значительной степенью достоверности в отношении отдельно взятого этноса или группы этносов) о всеобщем и частном, отдельном и общем, идентичном и схожем, об этнодифференцирующем, специфическом. «Более того, можно без преувеличения сказать, что фольклор с наибольшей интенсивностью выражает этнические функции культуры, которые особенно и специально интересуют этнографию» (Аджиев А.М., 1994. С. 9.).

В ходе сбора полевого этнографического материала по темам «Традиционный этикет народов Дагестана» и «Традиционная духовная культура горцев Центрального Дагестана» (Булатов Б.Б. и др., 2004; Лугуев С.А., 2001) нами, в частности, были записаны пословицы, поговорки, загадки, плачи, проклятия, произведения детского фольклора и др. В настоящей статье рассматриваются отрывки, куплеты песенного фольклора лакцев, характеризующие отдельные стороны традиционного быта, традиционной культуры этого народа. Представленные материалы, вводимые в научный оборот впервые, собирались, уточнялись, детализировались не одним, а несколькими (от 3–4 до 6–8) информаторами. Нашими информаторами были женщины выше среднего и старшего возрастов, уроженки с. Кумух, Вихли, Унчукатль, Убра и Вильташи, проживающие как в сельской местности, так и в городах Махачкале, Каспийске и Буйнакске.

Одна из значимых характеристик традиционного семейного быта лакцев – всевластие главы семьи, отца и мужа. В обществе, характеризующемся развивающимися феодальными отношениями со значительными патриархально-родовыми пережитками (Булатова А.Г., 2000. С. 32), это вполне закономерно и для лакцев, и для других народностей Дагестана (Гаджиева С.Ш., 1985). Власть главы семьи подчеркивалась даже в мелочах. Так, например, за то или иное нарушение нравственно-этических норм или другую какую-либо провинность глава семьи мог наказать провинившегося члена семьи (сына, дочь), запретив ему участие в общесемейной трапезе («ссупралия личИи уван» –

«отделить от скатерти»); еда такому, располагающемуся в каком-либо закутке, подавалась отдельно. Запрет мог быть разовым, мог действовать три-четыре дня, неделю и больше. Женщины дома (мать, сестры), жалея наказанного, нередко тайком от главы семьи подкладывали «отлученному от стола» лучшие куски, подкармливали его более вкусной (по сравнению с общейсемейной) едой. Такое положение вещей отразилось в песенном куплете следующего содержания:

«Ссупраливух щябикІнан, кьурчІи вит ва инил кьяс,

Ссупралий личІи увнан, уттулу ва гьавккуртту».

«Сидящим за ссупра – кислая сыворотка и отжимка толокна,

Отлученному от ссупра – курдюк и галушки».

(«Ссупра» – скатерть; «отжимка» (кьяс) – замешенное на воде или сыворотке толокно и отжатое в ладони; порция).

Куплет имел хождение и как пословица, по внутреннему содержанию схожая с русской пословицей «дочери – сухари, падчерице – пряник», «умный – пешком, дурак – верхом», «жене – семешник, соседке – полтина» и др.

Вопрос о месте и роли большой семьи и ее стадиальной формы – неразделенной семьи в современном дагестановедении рассматривается неоднозначно. Так, например, А.И. Исламмагомедов, М.А. Агларов считают, что названные формы семьи у горцев Центрального Дагестана не привились, т.к. для этого не было соответствующей хозяйственно-экономической базы (*Исламмагомедов А.И.*, 1967. С. 158; *Исламмагомедов А.И.*, 2002. С. 152; *Агларов М.А.*, 1964. С. 188). С.Ш. Гаджиева не только не отрицала наличие неразделенных семей у горцев Центрального Дагестана, но даже приводила конкретные, поименные данные об их бытовании там в XIX в. (*Гаджиева С.Ш.*, 1985. С. 42–44; 46–47). В последующем полевой этнографический материал неоднократно давал исследователям возможность фиксировать бытование неразделенной семьи у горцев Дагестана, функционировавшей у отдельных народов до первых десятилетий XX в. в силу ее хозяйственно-экономической целесообразности (Лугуев С.А. и др. 1999. С. 98). Главой такой семьи был старший мужчина, важное место здесь занимала и старшая женщина, его жена. «Среди женской половины неразделенной семьи авторитет главы семьи основывался чаще на подлинном уважении, чем на страхе и был больше, чем авторитет его жены, «старшей», – писала С.Ш. Гаджиева о кумыках. – Часто женщины противопоставляли его гуманность капризному характеру «старшей» (*Гаджиева С.Ш.*, 1985. С. 71). Об этом же явлении у лакцев говорит следующий куплет песни:

«Хьун – бабал кьипив буцІлай, бухчІинсса лухьы бувай,

Хьун – ттатгал щими буллай, нахІу ссайгьат чан кьабай»:

«От щипков старшей матери ягодицы почернели,

Старший отец, жалеючи меня, не забывает о вкусных гостинцах».

Этнографы-дагестановеды неоднократно отмечали бытование в местной среде отдельных пережитков авункулата – особой формы близких взаимоотношений племянника и его дяди по матери, характерной для ранних этапов развития общества (*Перишц А.И.*, 1986. С. 38–39.). Конкретным выражением подобных пережитков было практиковавшееся местами вплоть до конца XIX – начала XX в. активное участие дяди по матери во всех важных этапах жизни молодого человека до его женитьбы включительно. Большое внимание уделял старший родственник морально-этическому воспитанию молодого человека, привитию ему одобряемых обществом нравственных качеств.

«Нааьна щаннил буттан, душнин нач кьадуллуса,

Нааьна ниттиуссин, ттунма яхІ кьабуллуса!»

«Проклятие отцу жены, не привившего дочери стыд,

Проклятие (моему) дяде по матери, не привившего мне достоинства!»

Так восклицает в лакской песне молодой муж оскандалившейся жены, развестись с которой ему не хватает решимости.

Если бы гость дома выложил на стол принимающего его хозяина свои дорожные запасы (еду, захваченную из дома или по пути в селение), тот воспринял бы это как оскорбление. Однако раздача гостем этих продуктов маленькими порциями детям принимающего его селения считалась допустимой и даже благонравной. Дети же даже из самых обеспеченных семей без зазрения совести принимали эти кусочки хлеба, мяса, сыра и прочее и тут же с удовольствием поедали. Считалось, что такая еда благотворно сказывается на росте и силе (по поверьям – сакрально-позитивное начало гостя). При этом следует особо подчеркнуть, что по нормам приличия гость мог позволить себе раздавать детям продукты, заведомо худшие по качеству тех, которыми угощал его хозяин дома. Весьма показательна в этом плане песня-частушка, в которой молодая женщина-лачка бахвалится достатком своих родных:

«Ттул ниттил цадакьали кьали арцул бачIайссар,
Ттул лас – кьатулул бутттукьран багьа бишин кьашайссар.
Ттул буттал хьамаллурал кIяла чIатIру бачIайссар,
Тттул уссичIан букIминнал нагь ва нисру дачIайссар!»
«Моя мать в благодеяние меру серебра раздает,
Мои сундуки (с приданым) в доме мужа оценить не возможно.

Гости моего отца белый хлеб раздают,
Те (гости), что приходят к брату, масло и сыры раздают!»
Рассмотренный нами обычай в дагестановедении нигде больше не упоминается.

Два следующих песенных куплета, вводимые в научный оборот впервые, подчеркивают святость и незыблемость обычая гостеприимства:

I. «Ятту литIлай бухьурчангу – цал хьамал рази бува,
Кьатри лекьлай духьурчангу – цал хьамал рази бува,
Душмантуран квисас баннин – цал хьамал рази бува,
ОьрчIан, щарнин ччатI лякьинин – цал хьамал рази бува».
«Если даже овцы дохнут – окажи внимание гостям,
Если даже дом рушится – окажи внимание гостям,
Прежде, чем врагам отомстить – окажи внимание гостям,
Прежде, чем заработать (средства) для детей и жены – окажи внимание гостям».

II. «КIинттул микIгу бассайсар, гьинтул щингу дякьайссар,
Пашманма ххари шайссар, хьамаличу увкIарчан».
«Зимой может лед растаять, летом вода остудиться,
Опечаленный возрадуется, если появляется гость».

(Вариант: третья строчка – Кьума дакI гьарта шайссар – букв. – Сжавшееся сердце расширяется – в значении «сердечная печаль сменяется радостью»).

Обычай родственной и соседской (общинной, джамаатской) взаимопомощи – одно из наследий ранних этапов развития общества, следование принципам которого переросло в нравственную категорию, стало морально-этической характеристикой членов джамаата дагестанских народностей. Этот обычай нашел довольно полное отражение в дагестановедении, хотя работ, специально посвященных этой проблеме, немного (*Егорова В.П.*, 1970). Исследователи отмечали, что этот освященный предками обычай нередко использовался и ханско-бекской, и имущей верхушкой общества в своих корыстных целях. Тем не менее, если в произведениях устного народного творчества тема обычая хотя бы каким-либо образом затрагивалась, то так или иначе отношение к нему, его характеристика всегда носили позитивный характер. Нам удалось записать куплет, где обычай оценивается хотя и в несколько иронических интонациях, но в общем-то с негативных позиций:

«Марша – марша – маршалай, ххаллир марша – маршалай!
 ЧАххур – маршайн къаувкссар тГий, ЧАххур душ къабуллунни,
 Къади – маршайн къаувкссар тГий, вакъпул бутІа чан бунни,
 Ханнал – маршайн къаувкссар тГий, мина чакпур бувунни.
 Марша – марша – маршалай, барчабакъу, маршалай! »
 «Марша – марша – маршала, великолепная марша – маршала!
 За то, что не вышел на соседскую марша, соседскую дочь (за меня) не отдали,
 За то, что не вышел на кадийскую марша, вакуфную долю урезали,
 За то, что не вышел на ханскую марша, хозяйство порушили.
 Марша – марша – маршала, приносящая несчастье, маршала!»
 («Марша», «маршала» – обычай взаимопомощи, коллективные помочи).

В содержании куплета что-то, возможно, утрировано, что-то чрезмерно обобщено, но общее отрицательное отношение к обычаю проявляется явственно.

«Гъарал чІа учин» – обряд вызывания дождя – один из самых древних коллективных религиозно-магических действий у лакцев (*Рамазанова З.Б.*, 1987) (как и у других народов Дагестана, разумеется). Нам удалось записать один из куплетов, распеваемых населением во время исполнения соответствующих обряду ритуалов. Куплет этот, скорее всего, позднего происхождения: по своей форме он больше напоминает «светское», нерелигиозное произведение песенного жанра устного народного творчества:

«Гъаваллавах лелуххив, аьрщараву мюрш – кІулли,
 Ялува ущу – щулгъи – Заннах гъарал чІа чара».
 «Поднебесные птицы, мышки-малышки в земле,
 Насекомые на поверхности – Господа о дожде молитесь».

Дагестан богат обычаями и традициями, многие из них так или иначе все еще действованы в местной среде, другие сохранились лишь в народной памяти, отдельные из их числа давно уже позабыты, и если о последних мы все еще имеем хоть какое-то представление, то это только благодаря сохранившимся записям и описаниям поколений путешественников, чиновников, исследователей прошлых столетий и лет или современных. Один из уже исчезнувших обрядовых обычаев записан в 1997г.

В разгар весны молодежь лакских селений (Кумух, Убра, Вилташи и др.) совершала обряд «щарашейн буккан» – «выйти на родники». Суть его заключалась в том, что девушки и юноши, двигаясь по определенному маршруту, вычищали, расширяли и углубляли окрестные родники, обкладывали их галькой, устраивая в перерывах коллективные трапезы, сопровождавшиеся песнями, танцами, взаимными пикировками, подшучиваниями и т.д. Весьма схожий с этим обрядовый «праздник воды» в ряде даргинских и лакских селений описан А.Г. Булатовой (1988. С. 53–54). Молодые люди, принявшие участие в обряде, считались достигшими брачного возраста. Один из куплетов народной песни звучит следующим образом:

«Щарашайн къаувкку оьрчІ, ттуйн яру мабитларда,
 Вияту жагъил хъуннин, ласкъатлуву шин дана».
 «Мальчик, не выходящий к родникам, не стреляй в меня глазами,
 Пока из тебя получится юноша, (я) год проведу в доме мужа».

Интересного обычая, не нашедшего отражения в этнографической литературе, еще в начале XX в. придерживались жители лакского с. Балхар, расположенного на территории проживания даргинцев (Акушинский район республики).

По сложившейся традиции женщина-лачка разрешалась от бремени в доме своего отца. На 41 день после рождения ребенка за ним и его матью приходили ближайшие родственники мужа – мать, сестры, тетки, обычно 3–4 человека. По дороге к дому отца ребенка впереди с ребенком на руках шла свекровь, мать ребенка замыкала эту маленькую процессию. Подойдя к дому, все, за исключением последней, входили в него, мать

ребенка оставалась за порогом. Свекровь (бабушка ребенка) передавала новорожденного (-ную) вышедшему навстречу сыну со словами: «Вот твой сын (твоя дочь), да благословит его (ее) Всевышний!». Взяв ребенка на руки, его отец звал жену: «Заходи, мать моего сына (моей дочери)!». Затем он передавал ребенка своей матери, а та – в руки невестки. Обряд, по мнению наших информаторов, соблюдался некогда всеми лакцами (не только балхарцами), назывался он «бухІуллїхь бацІу» – «стояние (нахождение) у порога». Утвердилось мнение, что обрядом подчеркивался факт принадлежности ребенка именно к тухуму (к группе родственников, берущих свое начало от одного памятного предка – мужчины) отца. Такое представление, скорее всего, имеет под собой заслуживающую внимание основу: по местным обычаям, если жена принадлежала к тому же тухуму, что и муж, обряд этот не соблюдался: вместе с сопровождающими ее женщинами мать ребенка заходила прямо в дом своего мужа и передавала новорожденного ему из рук в руки. В этом плане заслуживает внимания куплет, высмеивающий девушку, согласившуюся на брак с двоюродным братом по отцу из расчета на дядино богатство:

«БухІуллїхь къабацІанна, МахІаммадалин хьунна.

Буттауссил буттукьран чІанну ккаккан дуванна».

«У порога стоять не буду, за Магомед-Али выйду.

Брата отца сундукам дно покажу!»

Этот обряд пока еще не нашел отражения в этнографической литературе.

Пожалуй, наибольшее отражение в устном народном творчестве дагестанцев, в том числе и лакцев, нашли особенности морали, этики, традиционных норм культуры поведения, этикет (Лугуев С.А., 2001). Возьмем, например, такой насмешливо-уничижительный куплет, адресованный девушкой женатому парню:

«Аьрщя тІахІни дувуй, щарнияту цІа дувуй,

Ссирссилтту бартливх дугъуй, ина адаминарав!»

«Из земли (глины) посуду делающий, жену нахваливающий,

Усы сметаной обмазывающий – да разве ж ты мужчина!»

Здесь девушка наделяет молодого мужчину мнимыми и действительными нравственно-этическими пороками, постыдными в лакской среде. Гончарный промысел для лакцев был исключительно женским; мужчина, севший за гончарный круг, стал бы не только посмешищем для всего селения, но еще мог быть наказан по адату ощутимым административным штрафом (Шиллинг Е.М., 1936. С. 16). Далее, такие пороки, как восхваление жены на людях и невоздержанность в еде, в глазах общественного мнения принижали достоинство мужчины. Все это в куплете подано в комплексе, и тот, кого им «награждали», рисковал надолго «потерять свое лицо».

Особых норм культуры поведения обязан был придерживаться воин. В частности, традиционные этические нормы предписывали вооруженному соблюдать подчеркнутую учтивость, деликатность, предупредительность в общении с невооруженным. Жестко осуждалась манера говорить с собеседником при наличии ружья в руках или положив руку на рукоять пистолета, шашки, кинжала. Заходя к кому-либо в дом, первым делом, согласно этикету, воин должен был отложить в сторону саблю, огнестрельное оружие и лишь потом принять приглашение, сесть и начать беседу. В лакской этической песне пожилой мужчина выговаривает молодому человеку, требующему назвать место нахождения сына собеседника, своего врага:

«Тух зума-чІикІ ахъаннин, ттуруллия ка дукъа,

Ттул къатлувун ухханнин, ххалил ярагъ ля биша!»

«Прежде чем предо мною разглагольствовать, руку с (рукоят) сабли убери,

Прежде чем зайти в мой дом, хваленое оружие приземли».

Мать, провожая сына на чужбину, дает ему наставления, в частности:

«Пахрулий ламус булан анавар мауккара,
Ярагъ бакъанал хъхъичІух ханшив ккакккан мадара».

«Демонстрировать показное благонравие торопливость не проявляй,
По отношению к безоружному гордыню (собственно – «ханство») не проявляй».

Одна из частных этических норм лакцев заключалась в предписании на все время воинских сборов, учений и тем более военных действий ограничить до минимума всякое общение с женщинами селения, за исключением матери, бабушки и незамужних дочери и сестры. Возможно, что подобная табуация своими корнями уходила в мужские объединения, мужские союзы, характерной чертой которых, в частности, было доведенное до минимума общение с «непосвященными» вообще и женщинами в частности (Карпов Ю.Ю., 1996. С. 12–23; Семенов Ю.И., 1986. С. 192). С этих позиций становится понятным, почему та же мать, провожающая сына на чужбину, напутствует юношу:

«Шярав бивкІу хъу чІумар, чІюлушив мадулларда,
Миллатрайн дяъви бувкни, хъаницІух маакъларда»
«Если в селении случится смерть, не щеголяй,
Если округа втянута в войну, прекрати общаться с женщинами».

В следующем куплете высмеивается человек, не соблюдающий элементарных требований, связанных с обращением правоверного мусульманина к высшему духовному началу: близко проходящий перед совершаемым намаз (обязательное пятикратное в день моление. – Авт.), прерывающий молитву читающего, не соблюдающий запрета молиться в сторону зеркала, не достаточно четко совершающий предусмотренные ритуалом движения туловища и рук:

«Чаклил ххичІа ша ласуй, салават дяркъин дувуй,
Къиблалий тІайла хъанай, дагъанттуйн къанчру бувуй».
«(Ты), проходящий перед (совершаемым) намазом, прерывающий (чью-либо) молитву,
Обращаясь на юг, (на деле) поклоняющийся зеркалу».

(Совершающий намаз становился лицом в сторону Мекки, на юго-восток («къибла». – Авт.).

Понятие «мужчина» для дагестанца значило много. Требования, предъявляемые обществом к мужчине, были необычайно высоки. В частности, проявление слабости, недостаточной силы воли, духа, неумение переносить страдания для настоящего мужчины считались постыдными. В эпической песне об Османе из Унцукуля повествуется о том, как, захватив героя и пытая его, враги хотели дознаться, куда он отогнал стадо овец.

«Къюй – къуру дияннин къуртІусса ххаржан
Хъазам ххяхха бувккун, махъа дурккунни,
НякІ – чІутІул ккулларду ттурчІвун битлай,
Ччаннугъу, каругъу парчІатІа дурни.
Ца чІук къабуккунни къацІ – къакъарттува».
«Вонзившийся по роговую рукоять кинжал,
Разрезав грудь, вышел сзади,
Синесвинцовые пули, вонзаясь в кости,
И ноги, и руки превратили в месиво.
Ни звука не вышло изо рта-гортани».

Что перед нами – гиперболизация, явное преувеличение? Скорее всего, да, как и свойственно произведению народного творчества. Тем не менее российские авторы, которым можно доверять, безо всяких приукрашиваний живописуя суровую прозу боев в период движения горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-е гг. XIX в., говорят о необыкновенной выдержке дагестанцев, стойко, почти спокойно переносивших такие увечья, как глубоко прорубленная голова, переломанные конечности, распоротый живот (Пирогов Н.И., 1852. С. 32.).

В различное время года, чаще всего в осенне-зимний период, в селениях проводились увеселительные мероприятия преимущественно по половозрастным группам, иногда смешанные (Булатова А.Г., 1988. С. 107–109; Булатова А.Г., 2001. С. 112–114). Юноши и девушки вместе собирались редко, но такие мероприятия все же имели место. На них, в частности, устраивались своеобразные соревнования между девушками и юношами: парень, обращаясь конкретно к той или иной из присутствующих, посвящал ей шутливо-насмешливый куплет, заранее им специально подобранный, самостоятельно сочиненный или импровизированный на месте; девушка отвечала парню тем же, затем исполнял куплет парень и т.д. Здесь мы приведем два куплета в исполнении парня и девушки, которые пока еще нигде не упомянуты:

Юноша:

«Цу къалархъун ччатI бищуй, цу къабивчун дикI шахъуй,
Чатлу магъулук буккуй, хъунху бабал хъихъи душ».
«Не разводя огня хлеб выпекающая, без соли мясо варящая,
Потолок веником подметающая, старой матери изнеженная дочь».

Девушка:

«Агъ, жагъил, вил ххуйшиву, ххюнххубатIлул байлшиву,
ВичИрдал утташиву, бакIрал сагъбакъашиву»
«Ах, парень, как ты хорош, носище твой как остер,
Уши до чего широки, голова до чего нездорова».

С минералами, полудрагоценными и драгоценными камнями у лакцев был связан целый ряд поверий. Так, например, жемчугу приписывалось свойство нейтрализовать «дурной глаз», «сглаз», рубину – привораживающая сила. Это нашло отражение в следующих куплетах:

«Ттеркъукъал чарсса лаххуй, хъхъичI дагъанттувун бургу:
Гунгумимайрал сиппат ссал янил данссар тIийра»
«Жемчужные бусы одевающая, сначала в зеркало посмотришь:
Кувшиноносную физиономию что может сглазить».
«Канишрай якъут дур тIий, ттун нясив баннав къатIра,
Къатта бувцIу буттал хъус хъун вил ссийх дулувияв».
«Хоть на браслете имеешь рубин, не мечтаю, чтоб ты мне была суждена,
Дом, наполненный отцовским богатством, за старшую твою сестру отдал бы».

У жителей с. Балхар небольшие, сладкие на вкус корнеплоды типа батата («къурнил нувши» – «весняка», «полевой картофель»), выкопанные в день праздника первой борозды, считались благоприятными для организма беременных женщин, молодых, желающих забеременеть, и даже для девушек, тайно лелеющих тоже стремление на будущее. В дни праздника надо было съесть хоть один такой корнеплод. Особую скрытность при этом проявляли девушки, рискующие в случае неосторожности подвергнуться граду насмешек. Ярлык «къурул нувшух тамахI душ» – «девушка, желающая полевой картофель» (в смысле «нетерпеливая», «из молодых, да ранних») считался унижительным. Поверье это упоминается в следующем куплете:

«Хъарасщай чIумал бувксса, къурул нувши тамахI душ,
Душманнная дувс увну, оъбалдаран буцинна».
«Появившуюся во время первой борозды веснянку желающая девушка,
Из врага, сделав друга, назло (на тебе) женюсь».

Устное народное творчество лакцев, в том числе и песенный фольклор, насыщены темой любви, печалью, радостями, свершениями и горестями, всегда сопровождающими это чувство:

«Мусил щин дурк гунгуми, хъувух дутай ттиркъюкьи,
Цу зурун лархху симан – ина ттун нясивссара».

«Позолоченный кувшинчик, на шею одеваемый жемчуг,
Новолунью подобный лик – ты мне предназначена».
«Бюрувнттав парх хьусса, кьанкьххуй банавша,
Риттун кьабюхьарча, ща кьалихханнав».
«Среди татарника расцветшая, ароматная фиалка,
Сорвать если не удастся, да не сбудутся твои надежды».
«Цан шагьирттал дянив ятГул ашрапи,
Палав бан кьахьурча, нааьна хьуннав».
«Среди темных медяков золотая монета.
Если тебя не добуду, проклятие мне».
«МакI ккарксса ххива – кIихь диркIун дури,
МикI багьсса ххива – баргь бивну бури.
Чюн – кюрщантрал дянив кIяла ттеркьукьы
Ма вин – куну, Заннал дуллуну дури».
«Сон приснился, думал, явь оказалась,
Оледенело все, думал, солнце засветило.
Среди бусин четок белый жемчуг
На тебе – сказав, Бог меня наградил».

Таким образом, произведения из песенного фольклора лакцев дают богатый материал для исследователя истории и этнографии народа. Здесь нами представлены куплеты, не введенные в научный оборот, собранные в экспедициях в самые последние годы. В нашем распоряжении имеются пословицы и поговорки, притчи и загадки, анекдоты, сказки и др., также еще не опубликованные. Их научная обработка, систематизация и интерпретация – дело будущего, полагаем, что скорого.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Агларов М.А.*, 1964. Техника сооружения террасных полей и вопросы эволюции форм собственности у аварцев (до XX в.) // УЗ ИИЯЛ. Вып. 13. Махачкала.
- Аджиев А.М.*, 1994. Введение // Традиционный фольклор народов Дагестана. М.
- Булатов Б.Б., Лугуев С.А.*, 2004. Очерки истории духовной культуры горцев Центрального Дагестана в XVIII – XIX веках. Махачкала.
- Булатова А.Г.*, 1988. Традиционные праздники и обряды народов Горного Дагестана в XIX – начале XX века. Л.
- Булатова А.Г.*, 2000. Лакцы: Историко-этнографическое исследование. XIX– начало XX века. Махачкала.
- Булатова А.Г.*, 2001. Сельскохозяйственный календарь и календарные обряды народов Дагестана в XIX – начале XX в. СПб.
- Булатова А.Г., Сергеева Г.А.*, 1994. Лакцы // Народы Дагестана. Энциклопедия. М.
- Гаджиева С.Ш.*, 1985. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX века. М.
- Егорова В.П.*, 1970. Из народных традиций Дагестана // ВИЭД. Вып. 2. Махачкала.
- Исламмагомедов А.И.*, 1967. Жилище аварцев // Материальная культура аварцев. Махачкала.
- Исламмагомедов А.И.*, 2002. Аварцы: Историко-этнографическое исследование XIX-XX века. Махачкала.
- Карпов Ю.Ю.*, 1996. Джигит и волк: Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб.
- Лугуев С.А.*, 2001. Традиционные нормы культуры поведения и этикет народов Дагестана в XIX – начале XX века. Махачкала.
- Лугуев С.А., Магомедов Д.М.*, 1999. Бежтинцы: Историко-этнографическое исследование. XIX – начало XX века. Махачкала.
- Перишиц А.И.*, 1986. Воспитательство // Свод этнографических понятий и терминов: Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М.

- Пирогов Н.И.*, 1852. Отчет о путешествии по Кавказу. М.
- Рамазанова З.Б.*, 1987. Обряды вызывания дождя и солнца у лакцев в конце XIX – начале XX века // Календарь и календарные обряды народов Дагестана. Махачкала.
- Семенов Ю.И.*, 1986. Союз мужской // Свод этнографических понятий и терминов: Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М.
- Чистов К.В.*, 1970. Фольклор и этнография // Фольклор и этнография. Л.
- Чистов К.В.*, 1971. О взаимоотношении фольклора и этнографии // СЭ. №5.
- Чистов К.В.*, 1975. Проблема «вторичных форм» в фольклористике и этнографии // Расы и народы. Вып. 5. М.
- Чистов К.В.*, 1979. Фольклор и культура этноса // СЭ. № 4.
- Чистов К.В.*, 1988. Народные традиции и фольклор: Очерки теории. Л.
- Шиллинг Е.М.*, 1936. Женские художественные промыслы дагестанского с. Балхар. Пятигорск.